

О КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ

I

В 1994 году Элиас Канетти ушел из жизни, опровергнув тем самым собственные теории о бессмертии. Я говорю это без всякой иронии, ибо, читая книги Канетти, а особенно его рассуждения о причинах смерти, можно было поверить, что он сумеет с нею справиться и не умрет.

Смерть, как ее видел Канетти, — не столько природный феномен, сколько идеология. Поэтому он считал, что фрейдовский инстинкт смерти *танатос* — это «просто смешно». Он говорил в одном интервью:

«Я много занимался смертью, и считаю, что это неверно — предполагать наличие фундаментального влечения к смерти. Смерть и без того слишком сильна, и не надо без необходимости подчеркивать ее преобладание. Моя позиция... состоит в неприятии смерти, в том, чтобы противостоять ей и пытаться изгнать ее отовсюду, где она сумела к нам прокрасться, потому что она оказывает очень плохое моральное и общественное влияние...

Я хотел бы, чтобы смерть рассматривалась отдельно от всего, что принято и допустимо, как это уже было когда-то. Ибо когда люди говорят о жизни и смерти, как бы уравнивая в правах одно и другое, они забывают, что смерть не всегда была естественна. Она стала естественной в последние пару

тысяч лет нашей истории. ... В предыстории у всех народов смерть не считалась естественной, наоборот, она воспринималась как нечто настолько неестественное, что каждая смерть считалась убийством» (Canetti E. Die gespaltene Zukunft. München, 1972, S.124).

Кроме того что смерть является идеологией, она является инструментом, а именно — главным инструментом власти. Собственно, две эти ее функции на практике часто неразличимы. Борьба Канетти против власти, или, точнее сказать, разоблачение власти, предпринимаемое в этой книге, как раз и представляет собой часть той борьбы против смерти, о которой он говорит в процитированном отрывке.

В книге, которую вы раскрыли, — не два, как это указано в заглавии, но три «героя»: масса, власть и смерть. Тема ее — взаимодействие массы и власти в силовом поле смерти. Смерть — это тот посредник, который придает динамизм взаимодействию массы и власти, — двух основных агентов истории. Смерть — это то, чем «питается» власть, что служит главным стимулом и средством ее разворачивания, усиления, самореализации. Власть — это то, что паразитирует и разбухает на смерти. Если следовать логике этой книги, то можно признать, что не будь смерти, власти бы не существовало. Поэтому борьба против смерти есть одновременно борьба против власти — против методов, методологий, приемов, способов, объяснений и истолкований, применяемых ею для достижения своих целей. Собственно говоря, разъяснению и разоблачению их и посвящена настоящая книга; она о том, как реализуется власть — о ее, власти, адской кухне, куда не допу-

скаются или в существование которой не могут поверить обыкновенные люди, и где великие вожди, властители и полководцы без готовых рецептов, по наитию, движимые безошибочным чутьем, создают историю.

То, что она оказывается трагичной, мрачной, кровавой, властители не считают своей виной. Они говорят, что история такова, какова есть, и будь на их месте другой человек, все повернулось бы все равно точно таким же образом. На самом деле, говорит Канетти, история не решает ни за кого, про нее нельзя сказать, что она поддерживает власть или любит сильных. Просто власть и сила решают все в свою пользу, а потом путем не слишком хитрых манипуляций с причинами и следствиями подают дело так, будто история решила все сама, а они, мол, просто выполняли ее волю, которая, будь на их месте кто-то другой, все равно реализовалась бы именно таким же образом.

Это обман. Раскрывая рецепты, по которым вожди и владыки создают историю, Канетти протестует против фаталистического отношения к смерти и к власти. Как у австралийского племени *аранда*, о котором он пишет здесь подробно, никто не умирает сам по себе (если кто-то умер, значит, он убит), так же и история не убивает: убивает власть, которая всегда имеет конкретное лицо.

II

Таковы взгляды Канетти на смерть. Между его рождением и смертью, которой ему не удалось избежать, прошло 89 лет. Он родился 25 июля 1905 г.

в болгарском городе Рушук (Русе), входившем тогда в состав Австро-Венгерской империи, в семье потомков испанских евреев, изгнанных маврами из Испании в XV в. В 1911 г. вместе с семьей он переезжает в Лондон, а в 1913 г. после смерти отца, умершего молодым, — с матерью в Вену. С 1916 по 1924 г. он ходил в школу в Цюрихе и Франкфурте-на-Майне, а потом изучал естественные науки в университете в Вене, где и получил степень доктора философии. В 1938 г. в связи с так называемым аншлюсом Австрии, присоединением ее к нацистскому рейху, Канетти покидает континент и селится в Англии, где живет и работает до конца жизни.

Работа приносила плоды: Канетти был удостоен множества немецких и австрийских литературных наград и премий, а в 1981 г. стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Он написал романы «Ослепление» и «Аутодафе», несколько пьес, издал несколько книг публицистики, несколько книг путевых заметок, несколько книг мемуаров, несколько книг афоризмов, а также «Массу и власть». Это — труд его жизни, *opus magnum*, на который автор возлагал наибольшие надежды. Впрочем, он говорил об этом сам. Свои надежды и планы в связи с этой книгой он выразил в одной из дневниковых записей, относящихся к 1959 году:

«Вчера рукопись «Массы и власти» ушла в Гамбург. В 1925-м, тридцать четыре года назад, явилась первая мысль о книге, посвященной массе. Однако действительный зародыш ее возник еще раньше: демонстрация рабочих во Франкфурте в связи с гибелью фон Ратенау; мне было семнадцать лет. С какой стороны ни взглянуть, вся моя взрослая жизнь была

заполнена этой книгой, но с тех пор, как живу в Англии, а значит, более двадцати лет, я, хотя и с трагическими перерывами, почти ни над чем другим не работал.

Стоило ли это таких усилий? Оплатил ли я это многими другими произведениями? Что ж, я могу сказать. Я должен был делать то, что делал. Мной распоряжалась сила, которой мне никогда не понять.

Я вел разговоры об этом, когда не было еще ничего, кроме намерения написать это исследование. С величайшей амбицией я объявлял о несуществующей еще книге, чтобы покрепче пристегнуть себя к ней. В то время как все знакомые подталкивали меня к тому, чтобы я завершил ее, я не закончил ее ни часом раньше, чем представлялось мне верным. Лучшие друзья потеряли за эти годы веру в меня; все тянулось слишком долго, нельзя было сердиться на них за это.

И вот теперь я говорю себе, что мне это удалось: схватить наше столетие за горло» (Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. М., 1990, с. 289–290).

Последняя фраза звучит странно. Когда вы прочтете книгу, то увидите, что в ней на протяжении почти 500 страниц не наберется и 10 строчек о нашем столетии (за исключением пары страниц в эпилоге). Величайшие властители нашего века, такие, например, как Сталин или Гитлер, в этой книге отсутствуют, так же как отсутствуют в ней величайшие массы нашего столетия, не случайно все-таки именуемого «столетием масс»! И тем не менее это так: это книга о XX веке, в которой XX век не упоминается.

С моей точки зрения, тем она страшнее и тем безысходнее вытекающие из нее истины. Есть множество интерпретаций страшных массовых бедствий и массовых злодеяний нашего столетия. Очень тонкие, остроумные, демонстрирующие высочайшую эрудицию и наблюдательность авторов, они раскрывают, так сказать, логику добрых намерений, приведшую к страшным последствиям. Так, мыслители Франкфуртской школы показывают, что возникновение тоталитаризма, ужас Майданека и Освенцима, гекатомбы жертв — все это продукт социально-освободительных устремлений Нового времени, результат просвещенческой пропаганды и борьбы за демократию, которая вылилась в победу масс. Ханна Арендт выдвинула несколько иную версию, но и ее идея заключается в том, что тоталитаризм со всеми его ужасами и прежде всего массовыми убийствами и страшной войной — продукт нашего и исключительно нашего времени, что он «соткался» из множества характерных для XIX и XX вв. идейных течений и социальных тенденций, что он — плоть от плоти и кровь от крови нашего столетия.

Да и мы в общем-то не очень далеко ходим за объяснениями наших собственных бед. Сталинизм — это практическая версия марксизма, сложившаяся в процессе борьбы за освобождение сначала рабочего класса, а потом вообще человечества. Прозрения С. Эйзенштейна в «Иване Грозном», оцененные Сталиным, мы не оценили в должной мере.

Объяснений фашизма и сталинизма много. Появляются все новые объяснения, опирающиеся на новые факты, являющиеся свету. Но все они едины

в том, что фашизм и сталинизм — новейшие феномены истории.

И вдруг на то, что он «схватил столетие за горло», претендует автор, посвятивший этому столетию лишь пару страниц в эпилоге.

Чисто пространственное соотношение материалов не должно обманывать. Сам Канетти писал, что главный его труд посвящен исследованию корней фашизма, хотя само слово там и не называется. Но я думаю, что такое определение темы «Массы и власти» сильно ее суживает; если эта книга и посвящена XX веку, то лишь потому, что в нем история выразилась не по-новому, а очевиднее, чем раньше. XX век со всеми его трагическими событиями: попранием человеческих жизней, войнами, массовым террором, — не является чем-то исключительным в человеческой истории. Если он и превосходит другие века по масштабам жертв, то не потому, что он достиг какой-то не сравнимой с прежними временами жестокости или что люди сделались глупее или кровожаднее, а потому лишь, что выросли их технологические возможности.

Цели же, намерения, мотивы действий не изменились, так же как не изменились движущие человеком аффекты. Короче, XX в. не изменил природу человека, а вместе с ней природу массы и природу власти. По-прежнему власть движима выживанием, и смерть остается ее орудием, и по-прежнему динамика истории — это динамика власти и массы в силовом поле смерти. Гитлер, Сталин и другие вожди XX столетия хорошо это понимали, но они понимали это не хуже и не лучше, чем множество других великих вождей в истории человечества.

Так что постижение XX века в его чудовищных злодеяниях оказалось возможным путем пристального взглядывания в историю древних и чуждых нам народов. Век как век, не лучше других и не хуже... Природа человека не меняется, а властитель оказывается вечным фашистом.

III

Я не буду пытаться здесь оценивать эту книгу, искать какие-то идейные связи с другими философами, этнографами, исследователями социальной жизни. С моей точки зрения, основополагающие идеи Канетти в «Массе и власти» абсолютно новы. Эта книга прожила уже тридцать пять лет, и реакция на нее показывает, что впереди у нее еще большое будущее. Как писал один из немецких рецензентов, «размышляя о массе и власти, образованный европеец думает о Ницше в связи с властью, а также об Ортеге и Лебоне в связи с массой. В будущем он должен будет думать о Канетти и забыть многое из того, что усвоил от трех остальных».

К этим именам можно добавить еще Фрейда. Действительно, проблемам, которые поднимали и намечали эти четверо, у Канетти дано новое и оригинальное освещение.

Исходный феномен массы — преодоление страха перед прикосновением. Человек страшится и избегает прикосновений других людей, старается держаться от них на некотором отдалении (социальные дистанции, системы статусов — одна из форм такого дистанцирования). В массе страх перед прикосновением снимается, все дистанции ликвидируют-

ся. Происходит психологическая разрядка. В массе один человек равен другому. Масса живет своей особой жизнью как целостное существо со своими закономерностями возникновения, существования и распада.

Изначальный феномен власти — выживание. Властитель — это тот, кто выживает, когда другие гибнут. В изначальном феноменологическом смысле властитель — это тот, кто стоит, когда все вокруг пали. Архетип властителя — герой, стоящий над трупами павших, причем не важно даже, кто эти павшие — уничтоженные им враги или погибшие друзья, союзники и т.д. В счет идет лишь выживание. Чем больше тех, кого он пережил (все равно, враги это или друзья), тем величественнее, «богоравнее» властитель. Подлинные властители всегда остро чувствуют эту закономерность, подлинная власть всегда воздвигает себя на горах мертвых тел, как в фигуральном, так и в прямом смысле. Масса — это предпосылка и фундамент власти, все равно, идет ли речь о массе живых или массе мертвых. Угроза смерти — основное орудие власти в управлении массой. Любой приказ — это отложенная угроза смерти. Другими словами, страх смерти — конечная мотивация исполнения любого приказа. Голос власти, говорит Канетти, это рык льва, от которого приходят в ужас и бросаются в бегство стада антилоп, то есть масса.

В некоторых главах «Массы и власти» Канетти вскрывает изначальную связь структур мышления параноика и властителя. Паранойя — не просто «болезнь власти». Паранойя и власть — это два способа реализации одной и той же тенденции, имеющейся в любом человеческом существе. Таким образом Канет-

ти универсализирует открытые им закономерности отношений массы и власти, обосновывает их всеобщий и фундаментальный характер. Результатом становится формирование основных принципов политической антропологии, родственной по стилю идеям Хоркхаймера и Адорно в «Диалектике просвещения» и микроанализам власти у Фуко, но оригинальной по фундаментальным интуициям. Одновременно возникает более или менее целостная общеантропологическая концепция, коренящаяся в идее напряженной динамики страха перед прикосновением другого и радостного, освобождающего слияния с другим и другими. Именно в реализации этих двух аффектов воплощается человеческая жизнь. Этому служат многочисленные и разнообразные ритуалы, систематически разбираемые Канетти, составляющие в своей совокупности основополагающие институты человеческого общежития (стая, религия, война и др.). В этом смысле концепция «Массы и власти» представляет собой также теорию культуры.

Личную позицию писателя по отношению к власти, как она выражена не только в этой книге, но и в художественных произведениях, в публицистике и афоризмах, я бы назвал интеллектуальным анархизмом. Власть смертоносна и отвратительна, власть — это смерть. Борьба против власти, как сказано уже в начале этих заметок, — это борьба против смерти. Его призыв к каждому человеку — вырвать из себя «жало приказа», то есть ликвидировать в себе тот психологический отпечаток, который оставляет каждый приказ, как исполненный, так и отданный. Попросту говоря, это призыв не исполнять приказов власти. В то же время его анализ психологиче-

ской динамики взаимоотношений власти и массы, как читатель увидит сам, показывает, что призыв этот, по сути дела, неисполним. Это призыв к гуманизму в мире, который антигуманен по глубинному своему устройству.

IV

В заключение этих кратких заметок — несколько слов о моем опыте заочного общения с писателем, и о выводах, к которым я в результате пришел. Просьба предоставить права для издания русского перевода «Массы и власти», к удивлению всех участников этого мероприятия, вдруг натолкнулась на негативную реакцию писателя. Его литературный агент передал, что г-н Канетти считает издание книги на русском языке преждевременным, по крайней мере до тех пор, пока в России не наступит политическая, социальная и экономическая стабилизация.

У меня и моих коллег такая реакция вызвала удивление и недоумение. Кое-что стало, однако, понятным в ходе перевода книги, особенно когда я встретил в главе «Случай Шребера» такое вот на первый взгляд загадочно выглядящее соображение:

«Заболев паранойей, он (Шребер. — *Л.И.*) семь лет провел в психиатрической больнице, прежде чем решился в деталях записать то, что впоследствии явилось миру как система его безумия. «Памятные записки нервнобольного» составили целую книгу. Он был настолько убежден в правильности и важности своей самодельной религии, что после того, как опека была снята, отдал книгу в печать. Его язык как

будто специально создан для выражения столь своеобразной системы мыслей: он запечатлевает именно столько, сколько нужно, чтобы ничто существенное не осталось в тени. Он говорит, что не является, *да и на самом деле не является писателем; поэтому за ним можно следовать повсюду без опаски*» (с. 464 настоящего издания, курсив мой. — Л.И).

Логика этого выделенного курсивом места сначала была мне совершенно непонятна. По некотором размышлении я пришел к выводу, что Канетти подразумевает здесь следующее: в темные закоулки мышления параноика (Шребера) можно следовать без опаски потому, что его идеи изложены не писателем, то есть им не свойственна та сила внушения и убеждения, которой неизбежно обладают тексты настоящего писателя.

Но отсюда следует и обратный вывод: мир параноики, изображенный настоящим писателем, опасен, потому что несет в себе потенциал заражения.

Именно поэтому читатель может без опаски следовать за Шребером в его путешествии по закоулкам собственного безумия. И именно поэтому читатель в стране, не выработавшей иммунитета против паранояльной болезни власти, *не может* без опаски следовать за Элиасом Канетти в предпринятом им путешествии по изнаночной стороне власти. Это слишком опасно, полагает Канетти, потому что изложено правдиво, откровенно и доходчиво. Это опасно, потому что вообще истина опасна.

Ясно, что Канетти ныне не может стать модным писателем. Потому что в моде релятивизм. Он может даже показаться наивным в том, что верит в силу литературы, в опасную силу слова.

Уже потом я нашел в «Заметках» еще одну запись о «Массе и власти», внесенную на 25 лет позже, чем та, что процитирована выше:

«Тебе ставят в укор сопряженность событий рассказанной истории жизни, то, что все происходящее указывает на нечто последующее. А существуют ли такие жизни, которые не разворачиваются навстречу своему будущему? Если кто дожил до 80, то не может он изображать свою жизнь так, будто прикончил себя в 40. Если главная его книга после немислимых отяжек наконец готова и продолжает работать дальше, то не может он в угоду чьему-то капризу делать вид, будто она не удалась.

Так что пусть тебя упрекают в том, что ты веришь в «Массу и власть», в то, что раскрытое в ней — несмотря на легкомыслие, с которым этим пренебрегли, — сохраняет свою истинность и актуальность. В этом убеждении ты писал историю своей жизни: и форма ее, и добрый кус содержания обусловлены им» (Канетти Э. Человек нашего столетия, с. 354).

Теперь, как мне кажется, можно объяснить, почему Канетти считал несколько преждевременным тогда русское издание «Массы и власти». Для него эта книга не была литературной игрой, как не являлась для него игрой литература вообще. Он был уверен в истинности того, что пишет, и открытия, осуществленные в «Массе и власти», являются для него открытиями в старом добром смысле слова, свойственном науке еще прошлого столетия: открытие того, что существовало *до* открытия, будучи сокрыто, а не изобретение новых связей в мире, бесконечно дифференцируемом умом исследователя. Для Канетти власть — не дискурс власти, а пря-